

Лейб-медик Гиммлера из Тарту

Феликс Керстен (1898-1960)

Перевод с эстонского Инны Теплицкой.

Доктор Феликс Керстен, которому приписывают спасение примерно 60 тысяч евреев от гибели, родился в Эстонии, жил в Финляндии и Голландии, где учился на терапевта у китайского врача. Человек с золотыми руками, Керстен стал незаменимым врачом Генриха Гиммлера, страдавшего от желудочных спазмов. Со временем доктор Керстен стал доверенным лицом Гиммлера и пытался отдалить его от влияния Гитлера. Гиммлер рассказал своему доктору, что очень обеспокоен здоровьем вождя и доверил врачу сообщение, что тот страдает от сифилиса. Керстен пытался убедить Гиммлера удалить Гитлера от власти, так как Германией правит сифилитик, но Гиммлер отказался выступить против вождя, ссылаясь на данную им «клятву послушания».

В 1942 г. Гиммлера послали в Финляндию, чтобы организовать выдачу Германии 3-х тысяч финских евреев. Под предлогом посещения своей новой родины, Керстен поехал с ним. За спиной Гиммлера он советовал руководству Финляндии, как отнестись к распоряжению из Германии. Евреи Финляндии остались в живых благодаря вмешательству доктора Керстена. В конце войны он убеждал Гиммлера отпустить из концлагерей несколько тысяч заключенных. В последние дни войны, в 1945 г., Керстен перебрался в Швецию, где встретился с представителями Всемирного Еврейского конгресса. Там произошла забавная сцена – Гиммлер – наглый германский мясник, и Норберт Мазур – представитель еврейского Конгресса – сидели вместе в находящемся под бомбежкой Берлинском аэропорту, где звуки выстрелов и взрывов сопровождалась речью Геббельса, который по радио поздравлял Гитлера с днем рождения.

В результате переговоров, по распоряжению Гиммлера были выпущены на волю многие женщины - узницы Равенсбрука и обсуждены возможности перевозки еврейских узников в нейтральные страны без ведома Гитлера. С помощью Вальтера Шелленберга, доктор Керстен, играя на страхах Гиммлера, пытался убедить его не выполнять приказ Гитлера об уничтожении с воздуха всех концлагерей и убийстве всех узников в последние дни войны. Однако приказы Гиммлера были в свою очередь саботированы его главным помощником Калтенбруннером. Но, по меньшей мере, 60 тысяч заключенных были спасены от смерти.

Александр Кимел (Британская Энциклопедия)

Документальный фильм „Satan’s doctor” («Доктор Гимлера») на русском:

<https://www.youtube.com/watch?v=SsJuh4bnurA>

http://www.youtube.com/watch?v=1b48W-Fz0eo&feature=player_detailpage на английском (45 минут из 51).

<http://vimeo.com/61511904> оригинал на французском языке.

Хелдур Йыгиоя

Отрывок из книги «**Himmleri Tartust pärit ihuarst. Felix Kersten - mees, kes päästis miljon hinge**» (Лейб-медик Гимmlера из Тарту. Феликс Керстен – человек, спасший миллион душ). Тарту, 2009.

Спасение евреев

По происхождению и внешнему виду Керстен гораздо больше напоминал арийца, чем его хозяин – Гимmlер.

Благодаря голландским корням доктор был человеком германского племени, и даже кровь нескольких родственников, текущая в его жилах, не сделала его брюнетом, т.е. по Гимmlеру – представителем низшей расы. Предположительно, это ничего бы не изменило, так как этот врач был нужен Гимmlеру как воздух. Почему же ариец Керстен начал заниматься спасением евреев, обещая делать это до конца своей жизни – сейчас это кажется преувеличением, но ведь неизвестно было тогда, как долго продлится война и сколько суждено ему прожить в этом адском котле. Происхождение и гражданство доктора сыграли здесь важную роль.

Он окончательно покинул Эстонию в 1920 г. - 22-летним юношей. Именно в Эстонии он получил воспитание, не позволявшее делить людей по национальности или вере, предпочитать одних другим.

В Освободительной войне на стороне Эстонии воевало много русских и более 1000 балтийских немцев. До этой войны Эстония никогда не была национальным государством, как это произошло после войны. В Тарту жили люди около ста

национальностей, кроме эстонцев, немцев и русских, была большая еврейская община, много было поляков, латышей, финнов и украинцев, а также людей других национальностей, живших в царской России – вплоть до турок, татар и армян.

Такая же пестрая картина была в школе, и молодой Керстен жил и общался с друзьями – одноклассниками как в настоящем Вавилоне, где, как это всегда было в Эстонии, человека ценили за умение работать, способности, усердие, умение общаться с другими. Национальность ученика была одним из последних показателей при общении.

Тартуские евреи пользовались уважением окружающих, они в среднем были более богатыми и находчивыми, и, безусловно, более открытыми и свободомыслящими чем немцы, считавшие себя хозяевами земли.

Дома у Керстена говорили по-голландски, что позволило ему позже общаться с голландскими евреями, так как он прекрасно понимал идиш, теперь уже пропавший европейский диалект. Что касается русских жителей Юрьева – Дерпта – Тарту, то они выгодно отличались благодаря природной простоте своей национальности, ибо шовинистов и русификаторов среди образованных русских людей было ничтожное меньшинство. Кроме того, сплошная русификация уже закончилась, не став популярной в университетской среде, которая поддерживала идущие с запада, в первую очередь, из Франции, идеалы свободы и интересовалась охватившим всю Европу марксистским движением. Простые русские не интересовались высокой государственной политикой и никогда не подчеркивали свою принадлежность к правящей нации.

Можно сказать, что это было время естественного интернационализма на основе терпимости и равенства, на которые могла повлиять только классовая принадлежность. Ни богатый еврей, ни русский не могли себе позволить надменного отношения к простолюдину – это были их клиенты, потребители, сограждане, товарищи по несчастью во вспыхнувшей I Мировой войне. Среди 100 тысяч мобилизованных из Эстонии были представители всех живущих там национальностей.

Революции 1905 и 1917 гг. оставили в Прибалтике кровавый и опустошительный след. Бессмысленное уничтожение хуторов и убийства людей породили в деревнях создание свирепых карательных отрядов. 1917 г. показал, что

обещания красных дать бедным землю и свободу – это фикция. Это подтвердили и массовые убийства и аресты. Так что Керстену, как сыну и внуку землевладельцев, не трудно было сделать выбор – к кому примкнуть. Он вступил в финский отряд и воевал в Освободительной войне на стороне эстонцев. Он был храбрым человеком, вскоре стал лейтенантом, и Финляндия наградила его статусом гражданина своей страны. Как фронтовик, он относился к войне совершенно по-другому, чем Гиммлер, никогда не воевавший. Тем ужаснее было для него осознать, что нацисты не отличались по кровожадности от большевиков, и разговоры об уничтожении евреев как враждебной нации породили в нем неприятие теории, основанной на такой ненависти.

Об этом он неоднократно говорил и рейхсфюреру. Одной из причин защиты евреев были его две новые родины – Голландия и Финляндия. В Германии он был гостем, высоко почитаемым врачом, но не гражданином этой страны. Поэтому он не видел никакой причины вступать в противоречие с законами страны, в которой он временно жил. Евреи считались врагами германского народа, но доктор не был немцем ни по происхождению, ни по гражданству. Он не мог предавать свою страну и народ, помогая врагам рейха.

Голландского королевства больше не существовало, а Финляндия, по меньшей мере, формально, была союзником Германии, но, несмотря на неоднократные распоряжения, своих евреев немцам не выдавала. Финские евреи воевали на фронте, и отбивались от послевоенных обвинений в борьбе с союзниками вполне логично – *мы сыновья богатых родителей, не хотим, чтобы большевики превратили нас в лишенных всего рабов, как произошло с нашими соплеменниками в Советском Союзе. Финляндия – наша родина и наша обязанность – ее защищать. Мы не приняли ни одной германской награды, в чем же состоит наша вина?*

Это заслуживающее внимания заявление должны были принять все западные государства, так как им было известно о продолжающемся антисемитизме в СССР. К тому же Сталин даже собирался сослать всех евреев страны в массовом порядке на поселение в марте 1953 г.

Финляндия не выдала Германии ни одного своего гражданина-еврея. Против этого были как правительство, так и армия во главе с Маннергеймом. Финский народ решил – если их начнут давить силовыми методами - они разделят с

финскими евреями свою судьбу. И в этом вопросе ощущалась рука Керстена, в том числе и в буквальном смысле. После нескольких сеансов мануальной терапии, снявших острую боль у Гиммлера, врач снова стал пытаться обратить его в свою веру, особо подчеркивая понимание финнами равноправия людей и последствия угроз, связанных с невыдачей евреев Германии - это могло бы привести национально настроенных финнов к превращению в врагов Германии с непредвиденными последствиями, вплоть до выхода из войны путем сепаратных переговоров с Россией.

Гиммлер не был глупым человеком, он понимал состоятельность аргументов Керстена. В Финляндии он пытался вести переговоры с руководителями страны и без присутствия врача и сразу убедился, что тот прав, после чего статус Керстена как посредника и переводчика Гиммлера был восстановлен. Заключены были деловые соглашения с финнами, Германия отказалась от плана экономической блокады в случае невыполнения требования о выдаче евреев.

Живя в Голландии, Керстен обзавелся многими друзьями и пациентами, среди которых были и влиятельные евреи, которых он позднее спас из лагерей. Он нередко говорил, что Голландия была ему третьей родиной, т.е. он видел в Германии только страну проживания.

После войны его следующей родиной стала Швеция, хотя практиковал он и в Германии, и в Голландии.

Есть еще одно обстоятельство. Доктор был верующим и хорошо знал Ветхий Завет. Он знал историю евреев и понимал, что сейчас происходит величайший геноцид всех времен, которому надо воспрепятствовать. Но в этой борьбе силы были не равны. Медицинскому советнику противостояла неимоверно большая, ненасытная и кровавая военная машина, во главе с немыслимыми фанатиками. В арсенале же врача были только желание помочь этим несчастным людям, человеческая хитрость и профессиональное умение, которым он овладел за 5 лет учения у китайского профессора Ко в Германии, где тот преподавал китайскую и тибетскую медицину. Керстен был его лучшим учеником, который, после возвращения Ко в Китай, унаследовал его пациентов. Так как руководители нацистов были атеистами, у них отсутствовало благоговение перед Всевышним, но они чтили старых германцев и следовали их идеям уважения и почитания законов. Однако, те воевали на полях сражений, а не были убийцами в тылу.

Об этом говорится в отрывке из дневника Керстена:

16 ноября 1941г.

В течение последних дней я последовательно пытался убедить Гиммлера вернуться к вопросу о судьбе евреев, но он вел себя необычно, слушал молча, не говоря ни слова. Только однажды лаконично сказал - «Вы правы, истребление целого народа – не в духе германцев. Вы можете требовать от меня чего угодно, даже сострадания. Но Вы не имеете права требовать защиты организованного нигилизма. Это было бы самоубийством».

Начиная с времени, когда я приступил к безнадежной борьбе с чудовищным принципом, которому посвятил себя Гиммлер, я дал себе обещание использовать любую возможность для спасения евреев в надежде, что он сделает хоть какие-нибудь исключения. В связи с тем, что его прежняя точка зрения, согласно которой евреев надо не уничтожать, а «только» высылать (слово «только» - уже достаточно жуткое) до сих пор в силе, считаю, что его надо убедить сделать максимальное количество исключений. Прежде всего, я считаю себя думающим, как миллионы людей в мире, которые не могут не надеяться на препятствование и смягчение любыми средствами наступающего кошмара.

Этот отрывок из дневника врача объясняет все. Он взял на себя обязательство перед самим собой и миллионами людей, и выполнение его было делом чести. Спасение евреев он рассматривал как свою миссию. Больше, на самом деле, ничего и не надо. Все остальное – сочувствие, удовлетворение от достигнутого, победа в спасении десятков тысяч душ, ореол праведника после войны, что принесло известность и честь, и высокие награды, - все это являлось частью предпринятого и неизбежным результатом миссии спасения.

Керстен сначала этого не знал. Если бы не нашлась служба с такими же возможностями, он бы погиб вместе со своими подзащитными. Судьба подарила ему шанс – другого такого в Германии просто не было.

И последнее. Феликс Керстен был врачом. Эта профессия предполагает спасение и помощь людям, вне зависимости от того, кто они, где живут, какими средствами располагают, не ожидая взамен никакой материальной или моральной прибыли. Признание этого было полностью исключено в стране, где извращенное

понимание сочувствовало убийцам, а не жертвам. Керстена никто бы не понял, если о его деятельности бы узнали, но у него был мощный защитник – человек, которому только он мог помочь, и который ни за что не хотел его потерять.

Гиммлер разрешил врачу временно покинуть Швецию, только когда понял, что больше нет смысла в лечении – гибель главного палача только вопрос нескольких недель. Он расстался с Керстеном побежденным, со слезами на глазах. Величайшая система убийств в мире потерпела сокрушительное поражение от явления, которое на первый взгляд кажется безоружным и не верится, что оно вообще существовало среди уничтожения и гибели в адском круговороте войны. И называется этот победитель гуманизмом.